

БОГ ПРИЗВАЛ

Как только забрезжил рассвет, у мусорного бака появился худощавый мужчина. Сгорбившись, начал неторопливо копать в содержимом.

Я вышел, прихватив пакет с мусором. Мужчина, кажется, не замечал меня и продолжал привычное занятие.

– Здравствуйте! – чтобы он посторонился, поздоровался я.

Мужчина, посмотрев выцветшими глазами, просипел в ответ:

– Здравствуйте.

– Можно, я брошу?

– Да, конечно, – подвинулся он.

– Что такую рань? – кинув пакет, поинтересовался я.

– Кто рано встаёт – тому бог подаёт, – ухмыльнулся он.

– И что же подаёт?

– От твоих способностей по твоим потребностям.

– По каким именно?

– Чтобы в рай своей смертью, – потянулся он в бак и извлёк алюминиевую банку из-под пива. Кинув на землю, наступил на неё. Та с хрустом исчезла под подошвой. – Вот так и мы захрустим, – наклонившись, поднял бесформенный кусок металла и бросил в сумку.

Стало неприятно. По телу пробежала мелкая дрожь.

– Профессор, ты скоро? – послышался хриплый голос, а затем тяжёлый грудной кашель.

– Сейчас! – откликнулся незнакомец и спросил: – Закурить не найдётся?

Я достал пачку, в ней было несколько сигарет.

– Мне одну, – профессор дрожащими пальцами попытался извлечь сигарету.

– Возьмите все, – предложил я.

После того, как он дотронулся до пачки чёрными с коричневым отливом пальцами, мне не хотелось к ней больше прикасаться.

– Где мера – там и честь, – ответил он и всё-таки зацепил сигарету. – Спасибо.

Он выглядел более прилично, чем многие подобные ему. И одет был опрятно. Я выбросил пачку и направился на остановку...

Как-то проходя по территории бывшего детского садика, превращенного в бар-кафе и ещё в невесть что, услышал знакомый голос:

– У вас не найдётся сигаретки?

Профессор сидел на траве в тени развесистого клёна, устало повесив руки на колени.

– Давно вас не видел, – присел я на торчащий из земли пенёк.

– Приболел малость, – потянулся он за сигаретой.

Мы закурили и некоторое время сидели молча. Сигареты медленно тлели, роняя седой пепел на землю.

– А где напарник? – поинтересовался я.

– На небесах. Отчёт пишет, – равнодушно ответил профессор. А потом добавил: – Там не соврёшь.

– А почему вас профессором зовут?

– Читайте, – безразлично ответил он.

– Откуда книги, если на сигареты нет? – удивился я.

– Мусорные баки... В них можно и детей найти...

– Я об этом не подумал.

– По содержимому баков можно определить, куда мы ка-
тимся.

– Ну и?..

– Взять хотя бы книги... За ними гонялись, бешеные деньги
отдавали, а сейчас на свалку...

Я смотрел на профессора, и мне казалось, что он всегда
был таким, каким я его видел сейчас. В голове как-то не
укладывалась его иная жизнь.

– А где у вас библиотека? – улыбнулся я.

– Была и нету.

– Своровали что ли?

– Вон там землянку выкопал, – посмотрел он за забор.

– Печь, двери сделал. Тепло должно быть зимой. Пришла
милиция – и под бульдозер.

– А как же соседние погреба?

– Их не тронули. Говорят, что обо мне беспокоились. Что я
в антисанитарных условиях. Вокруг дети, а тут зараза...

Разве не так, думаю?

– А где же ваша квартира? – поинтересовался я.

– Квартира? – задумчиво сделал затяжку он. – Когда плохо
было с работой, решил бизнес наладить. На меньшую хотел
разменять. Вот и разменял.

– А сейчас-то где живёте?

– Пока тепло – на улице. Наступит холод, буду искать укры-
тие. Впрочем, оно само найдёт, как птицу небесную.

– Ну, а работа?

– Без прописки в паспорте? – горько усмехнулся он.

– Но можно же как-то попытаться вырваться из порочного
круга.

– Что же ты сам не вырвешься? Не допускают? – кивнул он вверх. – Или ликом не вышел? Вот и ходишь от звонка до звонка. За гроши перед начальством лебезишь. Обмануть – ума не хватает, остаётся одно – угодить. Чтоб не выгнали, – добавил он.

– Пусть, по-вашему, я лебежу, но я-то честно зарабатываю деньги.

– А я разве ворую? – вскинул он брови.

– Не воруете, но надо приносить обществу пользу.

– А много оно мне принесло? Ваше, так называемое, общество в грязи погрязло.

– А вы вроде чистильщиков? – стало смешно, но я сдержался.

– Было бы общество чисто – не было бы и чистильщиков, – парировал он. Я не нашёлся что ответить. – Разве грешно собирать то, чем вы раскидываетесь? От избытка раскидываетесь. А почему? Да вам всё мало. Стали в погоне за иллюзиями рабами. Жизнь проходит, а вы не замечаете её. И гонитесь, пока совсем не запалитесь, и поминай тогда, как вас звали.

Вспомнилось, что я уже три года не был в отпуске. Всё – деньги, деньги, деньги... Чем больше их получал, тем больше не хватало. Стало обидно и зло.

Поднеся сигарету ко рту, сделал глубокую затяжку.

– Я знаю: вы нас падшими считаете, – продолжил он. – Только вот кто из нас больше пал? Ещё десять тысяч лет назад Гермес Трижды Величайший, был такой в Египте, сказал: «Что наверху, то и внизу». Вот и ответь мне: кто есть кто? – и профессор, вытащив из сумки потёртое покрывало, принялся готовить постель.

Неожиданно потянуло прохладой и сыростью. И только сейчас заметил, что уже наступил вечер и начало смеркаться.

– Мне пора, – встал я.

– С богом, – достав из сумки подобие подушки, начал устраивать изголовье профессор.

«Вся его жизнь в сумке, – подумалось мне. Неожиданно прокололо: – А в чём же наша?» В голове крутилась всякая всячина, но ответа не было. Когда лёг в постель, от толкущихся мыслей долго не мог уснуть. И, вконец намучившись, не заметил, как провалился в сон. А во сне приснилось, как кто-то чёрный склонился надо мной и шепчет: «Будешь, будешь... Всё будешь делать за деньги. Даже душу продашь». Я пытался проснуться, но не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Пытался закричать, но голос пропал. А чёрный силуэт продолжал шептать: «Все будете. Все до одного».

Но вот открываю глаза. Одеяло и подушка мокрая. Встаю – и под душ... Полегчало. Выглянул в окно: снег белым покрывалом укрыл землю и растущие поодаль деревья. Казалось, он пытался спрятать грязь, оставленную людьми. Вспомнил о профессоре. Пошёл к детскому саду.

– Где? – остановившись у чёрного пятна под клёном, с надеждой спросил у дамы с собачкой.

– Увезли, – равнодушно ответила та.

– Куда? – уже понял я.

– В морг. Куда же ещё?

Ком слепящего белизной снега сорвался с ветки клёна на место, где лежал профессор, и рассыпался, словно спешил залатать чёрное пятно.

КУПЕЧЕСКИЕ БАНИ

Сенька Пашин выбился в люди. Стал богатым, и от этого его распирала гордость. И как ей не распирать, если он в застойное время, как ему казалось, был никем – простым

дворником, каждое утро убирающим грязь и подметающим мусор с асфальта, а теперь ему это делать запаadlo. Теперь он и Ленина стал уважать за то, что тот правильно говорил – о нём говорил: кто был никем, тот станет всем. Вот и стал он богатым и уважаемым человеком. Если над ним раньше подсмеивались, то теперь смотрят с завистью. Захочет он сорить деньгами, он ими сорит. И пусть все видят, что Сенька Пашин не жалеет денег даже на чужих детей, одаривая их мелкими купюрами. Но как он ни старается показать своё превосходство, его во дворе собственного дома уважают не так, как хотелось бы того. С озлоблением улыбаются при встрече, несмотря на то, что он уделяет внимание их детям. Им бы радоваться за человека, но, видимо, это не всем дано.

Как-то раз, проезжая по городу, он увидел двухэтажное здание из красного кирпича, на котором красовалась вывеска – «Купеческие бани».

«А чем я не купец, – с гордостью подумал он. – Надо сходить в них и показать себя во всей своей красе». И он самодовольно взглянул на одутловатый живот, который приятно вырос на месте бывшей впадины.

В среду, заехав в магазин и купив новую майку, рубашку и трусы, он отправился в бани.

Зайдя туда и раздевшись, он надменным взглядом окинул разношёрстную публику, пытаясь подметить, с почтением ли смотрят на него мужики. И вдруг понял, что среди голых тел он стал ещё одним таким же телом, которое ничем не выделяется среди всех прочих. Вон мужик с таким же животом, а вот другой с ещё большим, несмотря на то, что у него на вешалке висит ветхая одежонка.

Смутился Сенька, но вида не подал. «Ничего, вот я попарюсь и помоюсь, тогда покажу, кто есть кто», – решил он.

И закончив банные процедуры, он вышел в раздевалку, вытащил из пакета новые вещи, оделся, а старые демонстративно опустил в урну.

– Ты чего это одежду выкидываешь? – удивлённо спросил мужик с большим животом.

– А на кой она мне, когда у меня новая с иголки имеется? – с превосходством глядя на того, пренебрежительно ответил он.

– Можно, я её заберу?

– Хочешь – бери, хочешь – пори, – ответил Сенька и покинул бани.

Гордыня овладела им. Теперь-то хоть здесь, в банях, к нему будут относиться не так, как в собственном дворе, где его с детских лет знают, потому и не могут привыкнуть к тому, что он, бывший проказник, двоечник и тунеядец, вдруг стал выше их, образованных. Они-то учились – и до чего доучились?

И начал он каждую среду ровно в три часа дня появляться в банях и менять не только рубашку с трусами и майкой, но и брюки с обувью.

Всякий раз, когда он переоблачался в новое одеяние, постоянные посетители бань набрасывались на урну и расхватывали выброшенные вещи. Даже однажды чуть было его с ног не сшибли. Кто успел ухватить, тот ухватил трусы, носки, а кому повезло, завладел туфлями и брюками.

И разговоры с ним стали вести уважительные. И что Сенька ни говорил, все слушали с открытыми ртами и не перечили ему. Не как в родном дворе. Там, кроме ехидных усмешек, ничего не услышишь, да и его умные речи никто всерьёз не принимает. И всё было бы хорошо, если бы за одну ночь он не стал нищим. Дефолт окаянный разразился.

И решил он пойти в бани, поговорить с мужиками и отвести свою душу. Да и веником постегать себя, чтобы хоть как-то

развеять скверное настроение. Придя в них, он положил пакет с банными принадлежностями в кабину, скинул одежду на лавку и, взяв берёзовый веник, ушёл в парную. Настегав себя до умопомрачения, шатаясь, вышел в раздевалку и не сразу обратил внимание на отсутствие одежды, а опомнился только тогда, когда решил уходить – вещей не было.

– Где одежда? – кинулся он к банщику.

– В шкафу. Ты её туда положил. Я сам видел, – спокойно ответил тот.

– Да не там она была. Я её на лавке оставил.

– На лавке старая была, а новая у тебя всегда в шкафу хранится.

– Да нет её там. Там только полотенце и мочалка с мылом.

– А куда ж она делась? Шкаф-то под замком.

– У меня вообще её не было.

– А чего ж ты тогда разоряешься?

– Как это чего?

– Я-то тут причем?

– Притом, что старая одежда исчезла, а новую я не покупал.

В чём я домой пойду?

– Откуда мне знать? Ты в начале раскидываешься шмотками, а потом требуешь назад. Вот и в этот раз мужики согласно установленной очереди, не дождавшись тебя, поделили её меж собой и унесли.

– Как это унесли?

– Как с самого начала тобой же самим заведено.

– Давай сюда мужиков!

– А где я их возьму? Они, как и ты, в баню по средам приходят и уходят, адресов своих не оставляют. Приходи в следующую среду и требуй с них.

– Я-то приду, но вначале мне надо в чём-то уйти. А в чём? Не пойду же я голым?

– Не хочешь голым идти, веником прикройся.

– Да ты что? Куда я с веником? Кругом люди.

– Не будешь же ты тут неделю жить? Я б, конечно, не супротив, но по уставу не положено.

– Да плевал я на ваш устав! Одежду гони!

– Я за сохранность в шкафу отвечаю, так что бери в нём то, что туда положил и уматывай, – начал свирепеть банщик.

– Так в нём пусто!

– Тогда рукой прикрывайся и вали отсюда, пока охрану не вызвал. Нашлись тут деятели права качать, – и, повернувшись к двери, банщик крикнул: – Эй! Тут клиент недовольный объявился.

Мгновенно явились два дюжих молодца и выкинули Сеньку из бань. И тот, прикрывая стыд веником с пакетом, прятался в кустах до сумерек. А когда наступила ночь, по задворкам вернулся домой и слёг с сердечной болью. И вспомнилась ему притча Христа: кто первым был, тот последним станет. А последним ой как не хочется быть. Лучше пусть сердце разорвётся, чем стать тем, кем был. За метлу-то теперь ему браться зазорно.

